

**«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА»
ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДАВИДА САМОЙЛОВИЧА САМОЙЛОВА
И ЛИДИИ КОРНЕЕВНЫ ЧУКОВСКОЙ**

Статья посвящена переписке Давида Самойлова, известного поэта, с замечательным писателем Лидией Чуковской. Ценность переписки определяется прежде всего личностями адресатов. В статье комментируются их интересные высказывания и спорные суждения о литературе, литераторах и о разных прочих вещах. Автор статьи акцентирует внимание на поэтике эпистолярного жанра, а также предлагает классификацию писем по тематическим, стилистическим и другим критериям. В статье актуализировано письмо как форма интеллектуального общения.

Ключевые слова: письмо, эпистолярная литература, традиция, тема, виды, стиль, интеллектуальное общение, ирония, шутка.

N. V. Kononova

**«SELECTED PASSAGES» FROM CORRESPONDENCE
OF D. SAMOÏLOV AND L. CHUKOVSKAÏA**

This article addresses the correspondence of D. Samoilov and L. Chukovskaia. The epistles of Samoilov, the well-known poet, and Chukovskaia, who is a wonderful writer and a specialist in literature, are examined as a correspondence for two. The author comments on their interesting remarks and controversial judgments about literature, writers and other various things.

The author centers on the poetics of epistles and classifies the letters by thematic, stylistic and other criteria. The letter is regarded as a form of intellectual communication in the article.

Key words: letter, epistolary literature, tradition, topic, types, style, intellectual communication, irony, joke.

Переписка Давида Самуиловича Самойлова и Лидии Корнеевны Чуковской длилась почти двадцать лет. В книге: «Давид Самойлов — Лидия Чуковская. Переписка: 1971–1990» [1, с. 1–310], опубликованы 199 писем, выполняющих прежде всего коммуникативную функцию и имеющих большое культурное значение.

За время переписки Давидом Самойловым было отправлено 117 писем, Лидией Чуковской — 82. По десятилетиям это выглядит следующим образом: в семидесятые годы XX столетия Д. Самойлов послал Л. Чуковской 47 текстов; Л. Чуковская Д. Самойлову — 36.

В восьмидесятые годы Л. Чуковская отправила Д. Самойлову 45 писем; Д. Самойлов Л. Чуковской — 68.

В 1990-ом году за январь-февраль Л. Чуковская отправила Д. Самойлову одно письмо; Давид Самойлов в год своей смерти (23 февраля 1990 года) за эти два месяца успел отослать Лидии Чуковской два письма.

Я хочу предложить комментарий эпистолярия в аспекте доминирующих тем и наиболее частотных обсуждаемых адресатами проблем, а также в аспекте традиции эпистолярной литературы, видов и стилистических особенностей их частной переписки.

Все письма написаны с соблюдением традиционных принципов написания письма, соблюдением эпистолярного этикета, ритуальных фраз, обращений, среди которых частотны следующие: «Дорогая Лидия Корнеевна!», «Дорогая и очень любимая Лидия Корнеевна!», «Дорогой Давид Самойлович!» [1, с. 12–287]. Деконструкций приветствий практически не

встречается. В обращении Лидии Корнеевны читаем: «Дорогой товарищ классик!», «Дорогой мэтр!», «Дорогой триумфатор!» [1, с. 12–287].

Также традиционны подписи; рефреном многих писем являются константные лексические фразы, завершающие почти каждое письмо. Несколько примеров из писем Л. Чуковской Д. Самойлову: «Жму руку и жду сигналов», «Жду вестей», «Привет Гале, коварной Варваре, Ольге Адамовне и святому Петру», «Преданная Вам», «Кланяюсь Гале и детям», «До свидания! Привет Галине Ивановне и мелочи. Привозите Варю», «Привет всемогущей Гале» [1, с. 12–287].

Из писем Давида Самойлова Лидии Чуковской: «Не презирайте меня. Ваш Д.», «Любящий Вас и скучающий без Вас», «Обнимаю Вас. Жду вестей», «Верный Вам», «Любящий Вас», «Люблю Вас. Ваш мастер-фломастер», «Желаю Вам здоровья и музыки», «До встречи или до следующего письма», «Жму Вашу руку — и ещё раз спасибо!», «Жму руку. Будьте здоровы! Ваш Д. С.», «Жду Вас»..., «Не сердитесь на меня, грешного» [1, с. 12–287].

Переписка Давида Самойлова и Лидии Чуковской характеризуется своей тематической широтой. Одна из основных тем: тема истории, прошлого и настоящего страны, в которой было суждено родиться и жить. Корреспондентов волнуют события исторического масштаба. Важна для них также тема творчества, «отчёты» «о собственной творческой работе», по выражению Андрея Немзера. Частотны их суждения, и порой очень резкие, о литературном процессе, их впечатления о новых художественных произведениях, литераторах, обсуждение общих знакомых, друзей. Одна из грустных тем — тема болезней, приближающейся старости. Корреспондентам не чужда и тема дел домашних, семейных отношений.

В письмах таких разных людей, и, несмотря на все несходства, таких «своих», отразились литературные, общественные события 70–80-х годов XX века. Письма Д. Самойлова и Л. Чуковской являются маркерами тех лет, культурно-исторического фона целого двадцатилетия. В них нашло отражение вкусов и пристрастий адресатов, их отношение к спорным суждениям о литературе, отношение к собратьям по перу, литературоведам, критикам. Оба корреспондента высказывают интересные мысли и о разных прочих вещах. Духовное родство понимающих с полуслова людей делало возможным говорить о важных и отнюдь не простых вопросах искренне и доверительно.

«Чуковская и Самойлов были людьми истории — пребывающими в истории, думающими об истории, ищущими её скрытый, но жизненно необходимый смысл. Это и есть главный сюжет их эпистолярия, замкнутого в своеобразную раму первого письма Лидии Корнеевны и последнего (оказавшегося предсмертным) письма Давида Самойловича» [2, с. 3–4]. Этот «сквозной сюжет», по мнению А. Немзера, и «организовал замечательный «литературный памятник», «двухголосое сочинение».

О «разности», «несхожести» корреспондентов пишет Лидия Чуковская в первом письме: «Вы для меня человек из другой страны, из другого времени: когда мы виделись с Вами в последний раз, Анна Андреевна и Корней Иванович были живы» [1, с. 12].

Давид Самойлов моложе своей корреспондентки на тринадцать лет и уж, конечно, моложе Анны Андреевны Ахматовой и Корнея Ивановича Чуковского. Поэт принадлежит к поколению, родившемуся и выросшему при советской власти. «Детство этого поколения пришлось на 20-ые, к вступлению в жизнь оно готовилось в 30-ые, заплатило дорогую цену за победу в сороковые, участвовало в послевоенном обновлении жизни. <...> Один из основных принципов ленинского учения, — пишет В. С. Баевский, — интернационализм — был усвоен с детства <...>, вошёл в плоть и кровь, став неотделимой частью нашего мировоззрения и мировосприятия. <...> Любовь в Родине была безусловной, но не бездумной» [3, с. 12, 13, 28]. В своих дневниках Давид Самойлов писал: «Родина это не там, где хорошо или плохо, а без чего нельзя, как рыба без воды. Я, при тоске по вселенскому, в сущности, не космополит, а почвенник» [4, с. 13].

В 1979 году в «Свободном стихе» Самойлов декларировал: «Я рос соответственно времени.. <...>, в тридцатые годы я любил тридцатые годы, в сороковые любил сороковые.

В шестидесятые годы я понимал шестидесятые годы. И теперь понимаю, что происходит и что произойдёт из того, что происходит. И знаю, что будет со мной, когда придёт не моё время. И не страшусь» [5, с. 264–265].

Лидия Чуковская высоко оценила стихотворение «Свободный стих». В своём письме к Давиду Самойлову от 19 июля 1979 года она пишет: «Свободный стих» прекрасен, прекрасен — в доказательство скажу, что моя внутренняя биография совсем не совпадает с Вашей, совпадения — во времени — не те, — и всё равно повторяю: «Свободный стих» прекрасен, мудр и, сквозь горечь — счастлив. Да будет так! (или, точнее: пусть было так, хотя и «было не так» — для меня» [1, с. 118].

Лидия Чуковская, автор «Софьи Петровны», «Спуска под воду», книги «Процесс исключения», открыто боролась с советской системой, выражая своё к ней презрение.

В 1938 году был расстрелян её муж М. П. Бронштейн. Она прекрасно помнила сталинскую жестокость 30-ых, трусость, подлость и лицемерие этого времени. В письме к Давиду Самойлову от 13 декабря 1989 года Лидия Чуковская касается некоторых фактов своей биографии: «В 20 лет я побывала в тюрьме и ссылке — правда, лёгких... Да что я о себе! Куда денешься от памяти о Катыни? О Праге? От миллионных вымерзших в тундре крестьян? От трупов, сложенных в земле валетом (после расстрелов?)» [1, с. 280].

Лидия Корнеевна вместе со своей дочерью Еленой была в постоянной борьбе за дом-музей своего отца — Корнея Ивановича Чуковского. В письме от 13 июня 1982 года Давиду Самойлову Л. Чуковская пишет: «Вчера суд постановил выселить семью Сельвинского. Они будут апеллировать. Я стараюсь не размышлять о судьбе Дома Чуковского, а только работать. Экскурсий в доме стало в десять раз больше. Дом раскачивается. Литфонд по слухам твёрдо решил дачу ни за что не ремонтировать, пока мы не выведем из неё. Теперь мне следует особенно заботиться о своём здоровье, чтобы не доставить этой сволочи удовольствия своей смертью. Пока я жива — я оттуда не выведу. Только насильно и только силой милиции в присутствии фотографирующих корреспондентов. Общество охраны памятников старины очень борется за Дом Чуковского, частные граждане — тоже» [1, с. 195]. И далее, читаем в письме от 30 июля 1982 года: «От сознания подлости Литфонда <...> устаю ужасно. Пытаюсь работать «сквозь» [1, с. 200].

В письме от 5 июля 1982 года Л. Чуковская продолжает: «С дачей новостей никаких, кроме грустного нашего решения: на свои деньги и с помощью друзей залатать хоть наиболее опасные дыры. Опять Люша (дочь) — без отдыха, без отпуска — начнёт ворочать уже не корректурными делами: цемент, кирпичи, краска... А Литфонд будет глядеть и радоваться: мы трудимся за него. Исполняем его обязанности... Иск обратно не взят. В суд нас, однако, не вызывают. Ремонта не делают, и пока живём там мы — делать не будут. Вот и вся ситуация» [1, с. 197]. В письмах Л. Чуковской передан стойкий характер этой незаурядной личности, борьба за публикацию «Софьи Петровны»; работа над записками об Анне Ахматовой, над книгой воспоминаний о детстве, об отце. Лидия Корнеевна «не заинтересована ни в славе, ни в деньгах, а только в том, чтобы она» (книга) «явилась перед читателем в том виде, в каком» Л. Чуковская «её из последних сил и последних глаз написала» [1, с. 144].

В своих письмах Давиду Самойлову Лидия Корнеевна касается темы горестной, полной драматизма судьбы своего отца; сетует на то, что «современники не очень наблюдательны и очень легко создают и лелеют легенды и мифы». Корней Иванович, пишет Лидия Корнеевна, «был человек одинокий, замкнутый. Сломанный, бессонный, страдавший тяжёлыми приступами отчаяния. Считал себя бездарным. Мучился — долго — незаконнорождённостью. Женат был на женщине, которая последние лет двадцать своей жизни была, несомненно, психически больна. Женился рано, 19-ти лет, и тяжким трудом содержал большую семью.<...>. Корней Иванович, рождённый критик, вынужден был этот главный свой талант закопать в землю. Начиная с 30-ых годов он уже выступал не как критик. А только в защиту: обругали зря Пантелеева — выступил со статьёй; обругали Глоцера — опять статья и т. д. <...>. Я-то видела его изнутри. <...>. «Бедный папа»... Конечно, было в нём

и природное веселье, но, кроме того, он требовал от себя веселья — в особенности на людях; жаловаться он считал невежливым; <...>. Бомбили его в разное время люди весьма могущественные, хотя и весьма разные. Например, Л. Д. Троицкий; Н. К. Крупская; «коллектив родителей детского сада Кремля»; председатель ГУСа Флерина и т. д., и т. д. Собственно, благополучие наступило последние 12–15 лет жизни» [1, с. 192].

При всей несхожести корреспондентов Давид Самойлов «свой» в этом «чуждом» Лидии Чуковской культурно-историческом пространстве, становящимся чужим и Давиду Самойлову. Их объединило «святое воинство» — «совесть, благородство и достоинство», которому они не изменяли ни при каких условиях.

В одном из писем Давид Самойлов аргументирует свою схожесть с Лидией Чуковской: «Вы знаете, в чём мы с Вами схожи? В каждом из нас есть шампур. Только в Вас — штык острый и сияющий, а во мне шампур, на который нанизано мяса разного качества. И я его, по гаргантюэлевскому устройству, съедаю, и не без удовольствия. Зато мне совершенно чуждо покаяние. <...>. Формула — «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасёшься» — не моя. Я не считаю, что покаяние есть способ спасения. Я за грехи готов отвечать. А каяться не желаю» [1, с. 119–120]. Лидия Корнеевна же в своём письме от 9 августа 1979 года актуализирует несходство адресатов. «О шампуре, — пишет она. — Между мною и Вами — увы! — сходства нет, и не по причине разного какого-нибудь отношения к разным периодам истории, а гораздо глубже, и я, сказала бы, «физиологичнее». Я — от природы, от рождения не люблю того, что условно называется «жизнь». Не та или другая; не то или другое десятилетие, или тот или иной возраст — а вообще. У меня к ней аппетита нету — и не было ни в 7, ни в 17, ни в 27 и т. д. Объясняется это, наверное, чем-то очень простым — пороком сердца с детства, базедовой с 8 лет, тбс с юности, а потом нарастающей слепотой и т. д. Бессонницей. Гаргантюаизма ни грана. Маяковский, жалуюсь, писал: В детстве, может, на самом дне / Сносных найду 10 дней. <...>. Покаяние я признаю, но не как профессию и не как литературный приём — а как момент душевной жизни, краткий и пронзительный. Когда же начинаются нянчиться со своим покаянием — тоже не люблю. Елей. Ханжество» [1, с. 121–122].

Давид Самойлов и Лидия Чуковская умели понимать друг друга, были терпимы к мнению ближнего, не навязывали друг другу своего стиля жизни, не предлагали готовых рецептов, они верили друг другу и нуждались друг в друге.

В их письмах сохраняется традиционная форма нарративности.

Одна из значительных тем их переписки — это их рассуждения о новых временах.

На поверку и новые, по выражению А. Ахматовой, «вегетарианские» времена, ничем не лучше предыдущих. Едва ли не хуже, по мнению адресатов. Наступила эпоха вседозволенности, «эпоха результатов», по определению Лидии Корнеевны, время размывания критериев: этических, художественных, профессиональных. («Вот и всё. Смежили очи гени / И когда померкли небеса, / Словно в опустевшем помещении / Стали слышны наши голоса. / Тянем, тянем слово залежалое, / Говорим и вяло и темно / Как нас чувствуют и как нас жаждут! Нету их / И всё разрешено») [6, с. 212].

Давид Самойлов очень остро переживал наступление нового времени, описывая в письмах к Л. Чуковской свои ощущения с приходом новых людей, чуждых ему по духу: «Большинство моих знакомых пребывают в растерянности. Но ничего толком сформулировать не могут. Что-то внутри датского королевства происходит. Я ощущаю это, как приход нового поколения, новых людей. В этих людях всё глубоко чуждо. И в воздухе чувствуется их нарастающий напор. Когда я Вам писал об уходе из литературы, я, видимо, почувствовал невозможность сосуществования с этими людьми. А я ведь сосуществовал, к примеру, с Наровчатовым. Тут дело другое. Мы с тем же Наровчатовым оба знаем, что воздух состоит из азота и кислорода. Только я считаю, что важен кислород, а он — азот. Но мы с ним одним воздухом дышали. А у этих воздух другой, состав воздуха другой. Об этом всё время думается» [1, с. 93].

Лидией Чуковской даётся довольно трезвая и резкая оценка С. Наровчатову; её делается попытка объяснить дружбу Самойлова с Наровчатовым: «Для вас ведь не он сам по себе существует, а то, что у него за плечами: ваша общая юность, освящённая войной. Новые же люди, о которых Вы пишете, они генетически связаны не с Вами, и не с вами обоими, а с ним. Они — его дети и внуки. Для меня же он просто проигравший себя карьерист, который обменял поэзию на карьеру. Их тьмы и тьмы... Я на него не зла, как не зла на крышу катаевского сарая» [1, с. 99].

В «Памятных записках» Давид Самойлов выразил свою принципиальную позицию, сопоставляя время 1937 года и 1970-ых годов: если в 37-ом году «пёр к власти хам», «всех расталкивая, уничтожая чужих, но и своих, <...>. Дворяне дворян так не уничтожали». <...>. «То теперь уже прёт хам с комфортом» [7, с. 429, 444], презирующий свой народ. «На каждом шагу приметны низовой коррупции, пьянства, нравственного разложения», <...>. «Вот как оборачивается замена духовной жизни нации ложью и материальной заинтересованностью. Национализм в идеологии и власть мафии в политике — вот к чему пришло человечество» [7, с. 148, 159]. «Пора бы власти, — считает Самойлов, — успевшей не только обокрасть и обожраться, но и уже понять вред и безнравственность жратвы и воровства и почувствовать существование народа, свою благодарность ему...» [7, с. 429, 432, 444].

Новые времена Давид Самойлов квалифицирует как тревожные и опасные, особенно жалея детей.

Лидия Чуковская же философски относится к размышлениям Давида Самойлова, солидаризируясь с Александром Кушнером: «Что ни век, то век — железный» [8, с. 1]. В её взгляде на наступившие по-своему страшные времена есть и доля разумного оптимизма. Эпоха результатов, по её мнению, иногда подаёт «искорки надежды и нечаянной радости. <...>. Сколько замечательно талантливых, умных и смелых людей неожиданно оказались в действии! Целая плеяда блистательных публицистов, о существовании которых мы и не подозревали» [1, с. 279–280].

В одном из её писем к Давиду Самойлову читаем: «Вы пишете, что вести отовсюду неутешительные. Оно так, <...>. Но ведь если поглядеть назад, на весь наш 70-летний путь — то — чем там можно утешиться? Кончился погром после убийства Кирова — начался 37-ой... Приутих 37-ой — началась война... Кончилась война — началась голодуха, а потом «повторничество», а за ним — «борьба с космополитизмом»... А 60-ые? 70-ые?». И приводит строки Инны Лиснянской, ей посвящённые:

*«Обшарпаны стены
Топтун у ворот.
Опасная стерва
В том доме живёт»* [1, с. 279–280].

Быть опасной стервой, справедливо считает Лидия Корнеевна, было отнюдь не безопасно.

В своём последнем письме к Л. К. Чуковской от 10 февраля 1990 года, как бы подводящем некий итог рассуждениям о новых временах и людях, Д. С. Самойлов пишет: «Да, выпало нам жить при последнем акте исторической драмы. Боюсь, что не только героям, но и статистам достанется. Шекспир разработал все три варианта финала трагедии — погибают положительные герои, наказано злодейство и — все погибают, как в «Гамлете». <...>. У эстонцев есть свой простой национальный план — отделиться. В России такого плана нет. По существу идёт извечный спор славянофилов с западниками. Но славянофилы и западники уже не те, что в XIX веке. Из славянофилов получились хулиганы, а из западников люди моды. Если в кулаки пойдёт, западникам несдобровать. Пора разумным людям соединить воедино два проекта — Сахарова и Солженицына. Я прежде недооценивал конструктивные стороны плана Александра Исаевича» [1, с. 286].

Письма Давида Самойлова и Лидии Чуковской многообразны не только по темам, но и во видам. Это и обмен репликами, и юмористические зарисовки, и мини-эссе об изящной словесности, письма-поздравления с праздниками, Днем рождения, письма — заботы о тех,

кому худо. Обоим корреспондентам свойственна ирония, самоирония. Частотны в их переписке полемика, спор, и всегда, при всех разногласиях — толерантное отношение корреспондентов друг к другу. Однажды Л. К. Чуковская разгневалась на Д. С. Самойлова: *«Пропили Вы нашу встречу. А так хотелось и надо было повидаться. Но Вы предпочли «массированные встречи с друзьями»* [1, с. 97].

Оба корреспондента физически чувствовали размывание этических, нравственных норм, засилье нуворишей — негодяев в культуре. К коим относится, к примеру, с точки зрения Л. К. Чуковской, Александр Кривицкий, заместитель редактора «Нового мира», позволившего в «Знамени» (1980 год, № 5) в статье «Елка для взрослых» поносить Лидию Корнеевну, не называя её по имени (имя называть запретили). *«Нападками Кривицкого горжусь», — пишет Чуковская, — он негодяй с головы до ног, редко встречаются такие законченные негодяи»* [1, с. 141]. И таких «чужих» становилось всё больше и больше. И Юрий Диков, познакомившийся с Лидией Чуковской, вызвавшийся написать статью о её расстрелянном муже М. П. Бронштейне для исторического сборника «Память», который выходил в Париже и распространялся в самиздате, в их числе. Для этой статьи у Лидии Корнеевны Ю. Диков взял некоторые книги и бумаги из её архива, существовавшие в единственном экземпляре. Никакой статьи не написал, но постоянно рассказывал о разных удивительных происшествиях, при которых архивные материалы пропадали. Л. К. Чуковская этим сюжетом поделилась с Д. С. Самойловым: *«Что касается Юры Дикова — то, конечно, это человек плохой. До такой степени плохой — не знаю, материала нет у меня для приговора, но он не просто враль — это Вы правы. Я бы сказала так: ложь — способ его жизни. Всякий человек, к сожалению, вынужден иногда лгать; многие любят прилгнуть; а для некоторых обдуманная, целенаправленная ложь — способ жизни». <...>. «Я, думаю, что наш с Вами бывший друг, Юра Диков, не молчит, — продолжает Лидия Чуковская, — а распространяет какие-нибудь гадости — во всяком случае про меня. Улика косвенная: Арсений Александрович, с которым Ю. Д. дружит, всегда дарил мне свои книжки и, живя в Переделкине, иногда заходил. Даже автографы иногда дарил, например, все свои стихи, посвящённые А. А., переписал от руки и преподнёс. А сейчас он в Переделкине, но — ни звука, и книжку свою последнюю не подарил мне. Бог с ним; дружны-то мы ведь никогда и не были, а стихи я как-нибудь достану... Но я считаю, что это работа Ю. Д.»* [1, с. 203–204; 210].

Стиль писем Давида Самойлова и Лидии Чуковской близок к разговорному языку. Они *«писали, как разговаривали», «свободно, откровенно, легко и серьёзно»,* по компетентному наблюдению А. Немзера.

В их переписке особый блок организуют письма о болезненных переживаниях за русскую словесность. Они пишут о размывании художественных и профессиональных критериев, их беспокоит оскудение мыслей, культуры. Их взгляды и реплики порой резки и, порой, беспепелляционны, «внеэтикетны» и их литературные суждения, по выражению А. Немзера. С ними можно соглашаться или не соглашаться, но это всегда интересно, они судят «по гамбургскому счёту». В их письмах русская культура представлена знаковыми именами: А. Солженицына, А. Сахарова, А. Ахматовой, М. Цветаевой. К примеру, Л. Чуковская о М. Цветаевой: *«Конечно, она гениальный поэт (местами), и прозаик (местами), но — баба! Бабские выверты. Однако и мужчины хороши, потому что эти выверты имеют над ними власть»* [1, с. 90]. Русская литература также маркирована именами А. Блока, Ф. Достоевского, Б. Слуцкого, В. Аксёнова, И. Бродского, М. Петровых, Н. Эйдельмана, В. Распутина. Приведу несколько примеров. *«Я слышала дважды «Нобелевскую речь» и не в отрывках, а целиком. Речь замечательно умная и достойная»* [1, с. 243]. И далее о В. Распутине: *«Живи и помни» я — из-за Вас! — одолела. Жива осталась. Помнить не буду. Да ведь это морковный кофе, фальшивка, с приправой дешёвой достоевщины, неужели Вам это нравится? Я никогда не была на Ангаре, но чуть не на каждой странице мне хотелось кричать «Не верю!» — по Станиславскому»* [1, с. 49]. Давид Самойлов полемизирует: *«Распутин — пожалуй, самый талантливый из «деревенщиков», и в нём виднее всего достоинства и недостатки этого*

литературного произведения. Это литература полународа». <...>. «И она, может быть, не знает и не видит иного пути в формировании нравственности, кроме нравственной ретро-спекции. Но жажда нравственности в ней истинная. И с этой точки зрения она правдива» [1, с. 51]. Безапелляционны и резки высказывания Лидии Чуковской об Андрее Вознесенском и Белле Ахмадулиной. А. Вознесенский, по мнению Л. Чуковской, «вне культуры и смерть её боится...» <...>. «Как все некультурные, он своеволен; «что хочу, то и заворочу», хочет же он только успеха. Для него, как для любого мещанина, нет прошлого (значит, нет культуры, потому что культура растёт из памяти) и нет будущего (потому что будущим обладает одно лишь одухотворённое и памятликое. Рампа, мода, реклама, деньги, верткость, лганье и втирание очков невеждам» [1, с. 79]. Не отличаются корректностью и характеристики Беллы Ахмадулиной и Евгения Евтушенко: «Ахмадулина (та же порода) выступала в Америке на своём вечере в золотых (парчовых?) штанах. Подумайте, какой срам: первая (хронологически) женщина-поэт после Ахматовой, попадающая на Запад, и — в золотых штанах!» [1, с. 79], <...>. «Здесь сенсация: стихи Евтушенко, посвящённые Алигер». <...>. «Маразм в 42 года! Рано. Стихи доказывают, что у него совсем нет друзей: никто не схватил его за руку, не возразил» [1, с. 29].

Русская культура представлена в переписке именами стиховеда М. Л. Гаспарова, прозаика Ю. Трифонова, которого не принимают ни Д. Самойлов, ни Л. Чуковская, считая, что Ю. Трифонов не умеет писать, квалифицируя его чтение как «интеллигентское (аэропортное), без языка, без поэзии», читать которое «очень скучно»; именем Венедикта Ерофеева; Б. Можаяева; В. Белова (его книге «Кануны» Л. Чуковской даётся высокая оценка, как «прекрасной, поэтической, страшной»); именем литературоведа, жены Ю. М. Лотмана Зары Григорьевны Минц, которой Лидия Корнеевна, по воспоминаниям Давида Самойлова, «внушила смертельный страх», «напомнив Корнею Ивановичу во время беседы с ней, что ему пора спать»; именами Натальи Ильиной [1, с. 89, 79, 136]. В письмах Давида Самойлова — суждения об эпохе Ивана Грозного и о нём самом, впечатления о книге Н. С. Хрущёва о Сталине, о Союзе писателей, о Доме творчества в Дубулты, где поэт почти никого не знал; да «разве можно знать 12 000 членов Союза писателей. Да из них 11 500 и вовсе знать не хочется. Всё же» было «здесь человек пять знакомых. И, главное, <...> добрый друг Абызов» [1, с. 277]. В своих письмах к Л. К. Чуковской Д. С. Самойлов касается переводов Марии Петровых Маро Маркарьяном. Имена и темы можно множить.

Жён великих художников Лидия Корнеевна Чуковская не жалуется. Не может понять, за чем, к примеру, сейчас поднимают и оправдывают Наталью Гончарову, и зачем в этом участвует «милий и умный Валентин Семёнович Непомнящий» [1, с. 97]. В письмо инкорпорировано высказывание А. А. Ахматовой о Наталье Гончаровой, которая говорила, что не знает «ни одной фразы, которую можно было бы сказать в защиту этой женщины». «Она была не только глупая, но хищная, жадная, злая» [1, с. 97].

А. А. Ахматова и М. И. Цветаева, по мнению Лидии Чуковской, вовсе не ревнуют к ней А. С. Пушкина: «уж на них-то, ни на одной, Александр Сергеевич наверняка не женился бы... Обе они для него были бы «академики в цепце». Ему нужна была «прелестная дура». Что же! Пусть бы дура, но хоть с «правилами». А она и «правил» не соблюдала, один разор и пляс» [1, с. 97].

О Софье Андреевне Толстой Л. К. Чуковская пишет: «Софью Андреевну, конечно, жалко. О Господи, кого же не жалко! Она, конечно, была «талантливая» («Вы, Берсы, все талантливые» — сказал Л. Н. сыну) и 11 человек детей родила, и рукописи переписывала, и на голоде работала... Но я ей никогда не забуду и не прощу, что она была супротивницей гения — делала у него, например, обыск в поисках дневника и завещания; что она унижала женское достоинство канюченьем: «не могу без твоих нежностей» — брр! И, главное, Толстой из-за неё покончил самоубийством. Ведь в 80 лет дом — это основа здоровья и жизни; уйти из дому значит умереть. Он ушёл и умер, а мог бы прожить ещё лет 8–10. На самом же деле должен был состояться не уход Толстого (смертельный), а уход Софьи Толстой — от мужа, который её разлюбил» [1, с. 97–98].

Столь же не лестно пишет Лидия Корнеевна и о жене А. Блока: «Самовлюблённая пошлая дура, потаскуха с «исканиями». <...>. «Когда он вошёл, я лежала на диване, прикрытая только своими роскошными волосами». <...>. «Перед этим — описание ковра, на фоне которого перламутровым блеском сияет её тело. Меня не похабство удручает, а самодовольство и безвкусица. Блока она третирует. Главный пафос жизни — чтоб не смели смотреть на неё как на «жену Блока»; она — самостоятельная величина в искусстве». <...>. «Вы пишете, что Блок был человек страшноватый. Наверно. Это ведь по стихам видно, да и по дневнику. Но и жизнь у него была страшная и наследственность страшная. И смерть страшная. И Люба страшная» [1, с. 160].

С болью и страстностью пишут Д. С. Самойлов и Л. К. Чуковская о друзьях, которые им дороги, об Анатолии Якобсоне, об «уклонившихся от верной стези», о Льве Копелеве, которого Лидия Чуковская «разлюбила в тот день, когда поняла, что к нему применима» строка Давида Самойлова: «Но в толчее и на торгу». Она же не выносит «ни толчеи, ни торга», они для неё «и добротой не искушаются» [1, с. 122].

Лев Копелев, по мнению поэта, которого он очень любит, «не знает разницу между правдой и истиной». <...>. «С отъездом Копелевых закрылся последний информационный центр всемоковского значения. Как ни суетен был Лев в общении, эту функцию он выполнял» [1, с. 114; 155].

Одна из значимых тем переписки Давида Самойлова и Лидии Чуковской — это тема отношения к творчеству друг друга, тема внимательного и критического прочтения художественных произведений обоими корреспондентами. В оценке творчества часто звучат критические нотки обоих адресатов, но, в целом, доминируют взаимные положительные коннотации.

Л. К. Чуковская отправляет Д. С. Самойлову знаковое, ключевое письмо от 11 июля 1976 года о стихотворении «Вот и всё. Смежили очи гении» и о поэме «Старый Дон-Жуан». Прочитав фрагменты из её письма: «Прочитала Ваши стихи — о стареющем Дон Жуане и маленькое: «Вот и всё. Смежили очи гении». Маленькое прекрасно. Оно несправедливо (потому что Ваш, например, голос был слышен и в присутствии гениев), но всё равно — прекрасно. А «стареющий Дон Жуан» — нет, не нравится мне. Просто очень чужая мне мысль, а стихи, верно, хорошие. Не знаю. У меня нет способности чувствовать старость. Я много в жизни болела, помирала и снова оживала; вот я и чувствую: болит сердце? Не болит сердце? А старость? Во-первых, мне кажется, возраст — вещь постоянная (у каждого человека — свой); во-вторых, я не умею почувствовать старость как утрату, всего лишь как утрату чего-то, не как приобретение. Затем, старость ведь гораздо крепче, защищённее молодости и детства; в детстве-то мы уж совсем беззащитны. В молодости обиды непереносимы; в старости, мне кажется, я любую обиду могу перенести, не разрушаясь, и дурно будет тем, кто меня обидит, а не мне. В детстве же и в молодости я от любого ветерка валилась с ног. Привычка, что ли, вырабатывается, выстаивать — как, например, не плакать? В детстве и в юности я была ужасная плакса. И потом, ведь к старости, наконец, понимаешь, кто ты: рубанок, молоток ли, гвоздь. А в молодости ничего о себе не знаешь. Нет — «Да здравствует старость, которая трудоспособна!» (Она, кстати, и очаровывает, так что стареющий Дон Жуан может не терять надежд)» [1, с. 40].

Давид Самойлов в ответном письме Лидии Чуковской о «Дон-Жуане» предлагает свою интерпретацию текста: «Вы правильно судите, соизмеряя его с собой. Но я где-то тоже его соизмеряю с Вами, и не в его пользу. Его старость — расплата за бездуховность, за безделье, за отсутствие творчества и идеализма. Вот как я это понимаю. Он бабник, прагматик — таковы большинство из нас. И за это карает старость. Но это общая идея. А ещё есть тип, который мне во многом нравится — лихой малый, дуэлянт, который Череп испугался лишь от неожиданности. И который где-то вдруг прозревает: «А скажи мне, Череп, что там — за углом, за поворотом» [1, с. 41].

В письмах Л. К. Чуковской встречаются восторженные отзывы о стихах Д. С. Самойлова.

«А вообще, что ни стихотворение, — пишет она о сборнике «Волна и камень», — то счастье» [1, с. 27]. «Когда преодолеваю меня извне и изнутри дурные вести — я читаю Вашу «Весть», которая счастливит, даже когда несчастна». <...>. Наверное, это и есть дело поэзии — и Вы его делаете» [1, с. 75].

В стихах Давида Самойлова Лидия Чуковская всегда слышала скрипку. И, наконец, она материализовалась в стихотворении «Дуэт для скрипки и альты».

«Ваш Амадей прелестен, — пишет Л. К. Чуковская. Воистину Амадей Амадеевич — сразу оплетает и берёт в плен, сразу начинаешь его твердить» [1, с. 166].

По наблюдению А. Немзера, Л. К. Чуковская, «наградив самойловского Моцарта «моцартовским» отчеством, <...> приравнивает сочинителя «Дуэта для скрипки и альты» к Моцарту. И тем самым — к Пушкину (ориентированностью этого стихотворения на «маленькую трагедию», равно как и привычность отождествления её героя и автора, сомнению не подлежат). <...>. Чуковская (вольно или невольно) указывает на глубинный трагизм глубинных «весёлых» стихов и бытия «весёлых» творцов» [2, с. 6].

«А «Беатриче» — чудо» [1, с. 225], — констатирует Л. К. Чуковская.

«Горсть» Лидия Корнеевна читала и перечитывала «с замираньем сердца. Хотелось бы плакать, — пишет она, — но к счастью стихи суровы. <...>. Вам писать плохо не дано. <...>. Теперь мельчайшие придирки. <...>. Почему Вы пишете «встать» вместо «стать» и т. д. Уж будьте верны языку, если верны традиции. Таков Ваш удел» [1, с. 257–258].

В их письмах очень много печальных сюжетов о старости, болезнях, проблемах быта, муках творчества, каждодневной рутине.

«В Москве (проездом) обнаружилось, что больна Варвара нервным истощением. Галя, едва вернувшись в Пярну, ринулась в Москву. Тем временем заболели Петя и Паша, у меня поднялось давление. Галя срочно вернулась в Пярну. Подлечив нас, вновь отправилась к Варваре — отдыхать с ней в Пуцино — на — Оке» [1, с. 211].

Примерам несть числа:

«Всё лето прошло в толчее гостей. Галя, как всегда после этого, усталая и обозлённая. Но это как стихия. А теперь идёт ремонт, который съедает последние деньги и не даёт покоя». <...>. «Всё это — житейские вещи и по-прежнему моему оптимизму и здоровью, наверное, не так влияли бы на общее состояние. Я иногда стыжусь, что так это всё придавило». <...>. «Заедает работа. Но это необходимо, ибо я един в трёх лицах — сына (постоянно болеет мама, которой в этом году пошёл девяностый год), мужа и отца. Понял, как трудно господу Богу». <...>. «Таковы мои занудные дела» [1, с. 223]. Или: «Стихи пишутся плохо. Переводы совсем застопорились». <...>. «Переводы мне окончательно обрыгли». <...>. «Я долгое время находился в состоянии раздражения и несобранности». <...>. «Одни творческие успехи не делают нас счастливыми». <...>. «Идиллия никак не складывается, а она ведь состоит из быта и незамутнённой души» [1, с. 23, 241, 212, 112, 224].

Давид Самойлов сетует на бытовые трудности, на усталость жены, рефреном повторяются строки в письмах на протяжении почти двадцати лет: *«Галя устала от гостей. <...>. «Дома у нас в данный момент всё в порядке. Только Галя смертельно устала от прошедших болезней и непрошенных гостей». <...>. «Галя устала от ежедневной неукоснительной работы». <...>. «Галя порой приходит в отчаяние от регулярности супно - котлетного производства» [1, с. 73, 91, 197, 220].*

Частотны в письмах Давида Самойлова жалобы на апатию, депрессию, безволие, невозможность собрать мысли, на отсутствие работы, денег, на последнюю схватку со старостью.

Давид Самойлов приводит изречение выдуманного им эстонского философа:

«Старость — это пора, когда всё становится мероприятием: хождение, дыхание, еда, даже любовь» [1, с. 278]. «А денег всё нет. И слово «надо» (башмаки, куртка, дрова, еда и пр.) висит дамокловым мечом. Если не будет двухтомника в 1987 году, прогорю начисто» [1, с. 233].

В 1989 году Самойлов стал Лауреатом Государственной Премии СССР. По этому поводу поэт пишет: *«У меня же лично больших событий не было, если не считать получения премии, которую мне дали не за заслуги, и не за то, что нравлюсь (мою книжку — 4 тыс. экз. — никто не читал). Дали «по раскладкам», как самому безвредному прогрессисту»*. <...>. *«Премия даст мне возможность немного отдышаться и целый год писать прозу. Чувствую, что это мне нужнее всего»* [1, с. 249, 250].

Лидия Корнеевна, глубоко сочувствуя Давиду Самуиловичу (*«Грустно за Вас, грустно — как всякий тупик»*). <...>. *«Тревожно, что Вам не работается, тревожно, что денег в запасе нет. Болезни требуют много денег»*) [1, с. 104, 215], смотрит на старость более оптимистично. *«Мне кажется, — пишет она, — старость не опасна людям, привыкшим к труду. Именно привыкшим, не то что «трудолюбивым». Мне, например, до тошноты надоело работать. И нужда меня не гонит, у меня ведь иждивенцев нет. А вот ведь — труд — единственная оставшаяся у меня способность (потребность). И это спасает. А это просто привычка»*. <...>. *«Господи, как хочется выйти на пенсию, уйти со сцены, жить — наконец просто жить! И кто меня толкает в спину — вместо безделия — писать? Попробую отвыкнуть от графомании и Гуттенберга. Я устала, а отдыхать не умею, потому что нет уже сил двигаться: вместо работы — прогулка, выставка, театр, концерт. На всё это ещё меньше сил, чем на работу»* [1, с. 204, 128]. Стоическая натура Л. К. Чуковской не может не вызвать восхищения. В 1985 году Чуковская пережила стресс: единственная дочь, её верный друг и помощница Люша — Елена Цезаревна сломала позвоночник. В письме Давиду Самойлову читаем: *«Люша выздоровела — ну, относительно, разумеется — но это счастье. Теперь ходит на службу, водит экскурсии по даче, хозяйничает. В тот день, 1 марта, когда Финна (Жозефина Оскаровна Хавкина, многолетняя помощница Л. К.) приехала за мной на дачу и зарыдала (впервые с тех пор, как мы знакомы); а я не заплакала (потому что не умею, увы!), с того дня, как я увидела Люшино лицо на подушке, ввалившиеся глаза и от неё услышала: «Ну вот, мама, я и выбыла» — с тех пор прошёл год. Она не выбыла, она — опять она, хотя и подорвана очень сильно. Впрочем, я пишу Вам это зря, потому что Вы не знаете, что такое Люша (Коня на скаку остановит, В горящую избу войдёт!) — и это ещё не характеристика. Третьего дня Володя (Корнилов, поэт) провожал меня домой. Увидев крыльцо — обледенелое, — то, на котором упала Люша, он сказал: «Вот где сломалась Ваша жизнь» Но я живу. Выбора нет. Живу»* [1, с. 230].

Лидия Корнеевна также откровенно делится с поэтом своим недугом, проблемами со здоровьем: *«Вообще, дела мои плохи. Я никак не могу научиться ходить — всё лежу или сижу. Работаю часа 3 в день, ни на минуту более, потому что только 3 часа действуют «волшебные капли». Осенью мне предстоит операция: один глаз погиб безнадежно, надо попытаться спасти другой. Летом надо «укрепить». Пока не удаётся»* [1, с. 140].

В письмах Лидии Чуковской, как и в письмах Давида Самойлова частотна ирония.

В одном из писем Л. К. Чуковская пишет: *«На днях у меня была одна американка. Так, будто и неглупая, и знающая, и красивая. Я старалась быть с ней приветливой. Но не удалось: она спросила меня: где я хочу, чтобы мне поставили памятник?»* [1, с. 271].

В 1980 году 5 апреля Лидия Чуковская отправляет Давиду Самойлову письмо — призыв к общению:

*«И надо писать друг другу
Покуда мы видим, покуда мы дышим,
Покуда мы живы, покуда мы слышим»* [1, с. 131].

И совет от Анны Андреевны Ахматовой: *«А. А. говорила: Главное — не теряйте отчаянья»* [1, с. 230].

Таким образом, *«В письмах всё услышится»*, в них — свидетельства круга интересов значительных личностей.

Письма Давида Самойлова и Лидии Чуковской продолжают традиции эпистолярной литературы, многообразны по тематике и видам.

Оба адресата используют всевозможные стилистические особенности переписки: приближение к разговорному языку, лирический подтекст, в их письмах много иронии, самоиронии, шуток.

Письма Д. С. Самойлова и Л. К. Чуковской — это прежде всего форма интеллектуального общения и искреннего, подлинного, лирически насыщенного свидетельства.

Эпистолярный в какой-то степени является маркером личностей поэта и писателя и художественных особенностей их творчества.

Велика эстетическая ценность их переписки. Их письма, как вид дружеского и искреннего общения, интересно читать, любопытно следить за мыслями, наблюдениями по самым разнообразным темам этих ярких характеров, творцов, художественных натур, образованных и культурных людей. Перед нами — художественный документ.

Эпистолярный Давида Самойлова и Лидии Чуковской выполняет не только коммуникативную функцию, но имеет огромное культурное значение.

По определению А. Немзера, это — *«книга о духовном сопротивлении в эпоху результатов»*.

Литература

1. Давид Самойлов — Лидия Чуковская. Переписка: 1971–1990. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
2. Немзер А. С. Горькая книга надежды // Давид Самойлов — Лидия Чуковская. Переписка: 1971–1990. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
3. Баевский В. С. Давид Самойлов. Поэт и его поколение. М.: Советский писатель. 1986.
4. Самойлов Д. С. Дневники // Огонёк. 1990. N 23.
5. Самойлов Д. С. Стихотворения. Санкт-Петербург: Новая Библиотека поэта. 2006.
6. Самойлов Д. С. Избранное. В 2-х томах. Т. I. Москва: Художественная литература. 1990.
7. Самойлов Д. С. Памятные записки. М.: Международные отношения. 1995. Кушнер А. С. Времена не выбирают. <http://guroem.ru/kushner/vremena-ne-vibirayut.aspx> [Версия от 21.04.2013].